
Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

КОАГУЛЯЦИЯ ХАОСА: Четыре направления метамодерна

Праведные люди древности дошли до того, что ничего не считали истинным или ложным, но их заветы нынче забыты, и кто возродит их?

Пэн Мэн

Эксперименты, факты, истина в последней инстанции. Да фактов вообще не бывает, а уж здесь и подавно. Здесь все кем-то выдумано. Все это чья-то идиотская выдумка. Неужели вы не чувствуете?

*Монолог Писателя из кинофильма
«Сталкер» Андрея Тарковского*

ABYSS FOR A PRETTY BABY

Если интерпретировать поворот к нечеловеческому с помощью языка оккультных наук, то следует говорить о Ночи Пана (N. O. X.) — это состояние смерти эго, важный этап на пути духовной реализации. Согласно учению Телемы, созданному знаменитым английским оккультистом Алистером Кроули, адепт погружается в N. O. X., преодолев Бездну, проходящую на каббалистическом Древе Жизни сквозь незримую сефиру Даат. Бездна — это метафора расщепления личности, образ полной дезинтеграции Я. Высших божественных областей невозможно достичь, не пройдя *Abys*s, а подобраться к ней, как считал Кроули, можно двумя путями — с помощью трансгрессивных практик и философского анализа. С практиками все понятно — это набор методов, прочно ассоциирующихся с Телемой: чтобы преодолеть противоположности чистого и нечистого (ибо на высшем уровне подобного деления нет), следует самое скотское кощунство превратить в священный гимн, а наиболее постыдные фантазии заставить служить возвышенному ощущению истины¹. Но есть и другой путь — достичь Бездны, где правит великий демон Хоронзон, можно с помощью Иммануила Канта, Дэвида Юма и буддийской философии. Кроули дает весьма любопытный список литературы, позволяющий дезинтегрировать психику: мы находим здесь «Прологомены» Канта, «Исследование о человеческом познании» Юма, «Вопросы Милинды», буддийские сутры, Гегеля и т. д. Изучая философские тексты, адепт не должен

Антон Владиславович Заньковский родился в 1988 году. Печатался в журналах «Логос», «Нева», «Зеркало», «Опустошитель», «Acta eruditiorum», «Апокриф», автор книги «Аристотель и портовые шлюхи». В настоящее время живет в Грузии.

¹ Кроули А. Видение и Голос. Книга Еноха. М.: Ганга, 2010. С. 36–37.

давать своему рассудку покоя и отдыха, постепенно приводя свой разум к предельному напряжению, которое завершается тотальной дезинтеграцией психики: «И тогда все явления, ему предстоящие, покажутся бессмысленными и разобщенными, и собственное его Эго распадется на ряд впечатлений, не имеющих связи ни между собой, ни с чем бы то ни было еще»².

Об удивительной схожести гносеологии Юма с буддийской абхидхармой уже писали³, хотя этот вопрос до сих пор не исследован с должной тщательностью — и напрасно, ведь именно здесь находится главнейший узел интеллектуальных традиций Востока и Запада, позволяющий осуществить **подлинную деколонизацию философии**; кроме того, гносеологическая система Юма стала ядром европейского нигилизма.

Согласно шотландскому философу, человеческая душа есть совокупность дискретных впечатлений. Эти впечатления — impressions — складываются в иллюзию целостного индивидуального сознания. Причем простые впечатления интенсивнее сложных идей и формируют их. Юм критикует как материалистов, так и идеалистов за то, что и те и другие вводят понятие субстанции, будь то субстанция божественная или материальная. Юм приходит к следующему выводу: нет никакого познающего субъекта как субстанции и нет ничего субстанциального, что познавалось бы, но есть сам факт восприятия, факт психической активности, состоящей из множества отдельных актов, связность которых неподлинна. Причинная зависимость одного впечатления от другого иллюзорна — причинность привносится сознанием. К примеру, между кликом по клавише и звуком клика нет *реальной* связи — эти события существуют автономно, сознание добавляет в опыт причинную зависимость звука от прикосновения, но нет никаких оснований полагать, что последовательность существует вне опыта. Я ударил пальцем по клавише, поэтому возник звук и появилась буква — так мне кажется, так складывается восприятие.

В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Эдмунд Гуссерль замечает, что Юм стал «отцом бессильного позитивизма, сторонящегося философских бездн или поверхностно их прикрывающего и довольствующегося успехами позитивных наук»⁴. Мы оставим в стороне вопрос о том, справился ли Гуссерль с той Бездной, которую открыл Дэвид Юм. Но учитель Хайдеггера верно замечает, что сам Юм всячески старался утаить представшую перед ним бездну нигилизма, апеллируя к здравому смыслу. Гносеологическое учение Юма обращает в фикцию весь универсум тождественных тел, мир тождественных личностей, всю объективную науку; само человеческое Я превращается в совокупность дискретных данных, явленная целостность которых — только лишь видимость. Против юмовской аргументации часто приводили один довод: дескать, неестественно раскладывать опыт на отдельные единицы. Например, воспринимая музыку, наше сознание соединяет отдельные ноты в единую тему. Но можно с не меньшим успехом встать на позицию юмовского сенсуализма и заявить, что в непосредственном опыте слушания нет ничего, кроме атомарных звуков, а сознание — по причине заложенной функциональной привычки — выстраивает мелодию.

Философские интуиции Дэвида Юма оказались пророческими. Как бы ни старались разного рода субстанциалисты сохранить идею целостной вещи и когерентность

² Кроули А. Книга Уст Бездны, или Даат, под номером 474 // Орден Восточных Тамплиеров. URL: <https://www.oto.ru/article.php?articles/works-crowley/liber474.txt> (дата обращения: 02.02.2022).

³ См., напр.: Торчинов Е. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. С. 37–39.

⁴ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 126.

восприятия, они все равно разваливались на глазах, о чем свидетельствуют европейские искусства и науки. История живописи XIX—XX веков — это история постепенной деструкции целостного образа. Уже импрессионисты фиксировали отдельные единицы чувственного опыта, случайно выхваченные из потока сенсорных данных⁵. Затем авангард планомерно пошел в сторону все большей деструкции отдельных фигур. Если говорить о музыке, то здесь нельзя не обратить внимания на гносеологическую иронию судьбы. Вспомним, что оппоненты Юма приводили в пример мелодию, которая имеет в себе нечто большее, нежели набор разрозненных звуков. И вот авангардные композиторы XX века выделяют в качестве эстетического объекта случайный набор элементов музыкальной ткани — появляется алеаторика.

Опыт Бездны, описанный Кроули, можно соотнести с девальвацией корреспондентной теории истины в парадигме постмодерна, внутри которой истинность высказывания уже не поверяют соответствием реальному объекту. В постмодерне никаких реальных объектов нет вообще — существуют лишь различные формы языковых практик, локальные дискурсы, многочисленные равноправные способы описания того, что условно называется «действительностью». Говоря о Бездне, Кроули подразумевает именно гносеологическую бездну, которая разверзается в результате практической реализации философии Юма: субъект должен познать себя в качестве потока впечатлений, причем тип этих впечатлений не имеет значения — восприятие полета мотылька даже более надежно, чем выводы о конечности или бесконечности пространства. Подобную картину мы наблюдаем и в буддийской гносеологии, но здесь различные категории опыта группируются в скандхи⁶.

В XIX веке, знакомясь с буддийской философией, европейские ученые удивлялись ее чрезвычайному сходству с системой Д. Юма. Буддийская абхидхарма опровергает существование субстанций с помощью того же метода, к которому прибегал Юм: отдельных вещей не существует, как не существует и индивидуальной души, есть только поток психофизических элементов — дхарм, которые в результате человеческой помраченности складываются в иллюзорные целостности.

Возьмем два наиболее удачных определения понятия «дхарма».

Определение Валерия Рудого: «В узком смысле термин дхарма выступает одновременно и как единица описания функционирования психики в неразрывном единстве как с ее субстратом, так и с внешним миром, и как бытие качественно-определенных элементарных психосоматических состояний»⁷.

Определение Евгения Торчинова: «Дхарма есть неделимый элемент нашего психофизического опыта, или элементарное психофизическое состояние»⁸.

Любое ментальное и физиологическое состояние — это та или иная конфигурация дхарм. Каждая конфигурация зависит от своего прежнего состояния и причиняет следующее состояние. Говоря проще, дхармы — это и чувства (Ведана-скандха), и понятия (Санжня-скандха), и формы (Рупа-скандха), и волевые акты (Санскара-скандха), и сознание без какого-либо содержания (Виджняна-скандха). Дхармы, вовлекающие в круговорот сансары, внешне проявляются как некий аффект, несущий удовольствия

⁵ О влиянии буддизма и философии Юма на живопись импрессионистов см.: Кузнецова Л. «Философия» импрессионистической картины // Вестник ТюмГУ. 2012. № 10. С. 115—120.

⁶ Буддийская гносеология, конечно же, во многом различается с философией Д. Юма. Например, учение о причинном возникновении явлений (впрочем, существенно подорванное Нагарджуной) противоречит отрицанию реальности причинно-следственных связей в философии Юма. Буддийские философы, должно быть, сказали бы, что Юм учитывает лишь абсолютный уровень познания, игнорируя относительный.

⁷ Островская Е. П., Рудой В. И. Классическая буддийская философия. СПб.: Востоковедение, 1999. С. 40.

⁸ Торчинов Е. Введение в буддизм. М.: АСТ, 2022. С. 51.

или страдания. Точнее, они являются и восприятием, переживающим этот аффект, и совокупностью всех форм ощущений, волений. Есть и благие дхармы, ведущие к освобождению. Постоянно исчезая и появляясь, причиняя друг друга, дхармы в совокупности образуют поток — сантану, который обнаруживается как «живое существо». Таким образом, своеобразная гносеологическая установка европейского сенсуализма имела свой аналог на Востоке, но там ее применяли для религиозного экстаза, для выхода за пределы любой человеческой обусловленности, для окончательной дезинтеграции когнитивного аппарата с целью самокатапультизации в беспредельное и неопишваемое⁹.

Что же должно произойти, если верить Алистеру Кроули, в результате скрупулезного чтения замечательных философских произведений? В итоге все явления покажутся бессмысленными и разобщенными, даже собственное Я распадется на ряд разрозненных впечатлений. Кроули хочет, чтобы философия Юма актуализировалась в опыте, а не оставалась умозрительным концептом. Должно быть, Гегель служит здесь дополнительным источником метафизической интоксикации, ведь его философские принципы не совсем отвечают поставленной задаче, зато буддийская гносеология хорошо подходит. Кроули предлагает испытать дхармическую модель вселенной, познать бессамость — анатмаваду.

Ключ к этическому и онтологическому нигилизму Кроули следует искать в его раннем тексте «Берешит». Здесь он интерпретирует буддизм в духе своего времени — со специфическими ошибками — буддизм предстает религией абсолютного нуля, бескомпромиссного ничто, которое даже не является противоположностью бытия, хотя в Ланкаватара-сутре сказано так: «Ты не исчезнешь в Нирване, как и Нирвана не растворится в тебе, ибо она превосходит всякую двойственность познающего и познаваемого, бытия и не-бытия». С похожей беспечностью в своем занимательном тексте Кроули интерпретирует и философию недвойственной веданты, пытаясь опровергнуть ее с помощью математических спекуляций. В нескольких местах оккультист выдает себя, обнаруживая интеллектуальное отчаяние, доходящее до настоящей озлобленности.

Греческое слово *Пан* означает «все»: бог Пан олицетворяет Природу, которая все порождает и все поглощает. Ночь Пана заставляет уйти от противопоставления Я и не-Я, от дихотомии субъекта и объекта. Состоянию Ночи Пана в учении Телемы соответствует число 210, потому что двойственное здесь становится одним, а затем познается пустотность («шунья», то есть ноль — пустота). Не это ли происходит и с цивилизацией, когда она уходит от всевозможных внутренних разделений, перестает противопоставлять себя дикой природе и старается минимизировать свою заметность, зарастая папоротниками и лианами панических лесов — превращается в глобальные сады Семирамиды? Впрочем, зарастание неспроста противоречит кроулианскому пустынному образу Города Пирамид, в который адепт должен попасть, излив свою сущность в чашу Матери Мерзостей, чтобы потом пребывать в состоянии зародыша под покровом Ночи Пана. Есть подозрение, что Кроули так и не преодолел Бездну, где его подстерегал великий демон Хоронзон — владыка рассеяния и бессмыслицы. Поэтому Кроули попал в пустыню, а не в сад.

Хоронзон, если верить описанию Алистера Кроули, не обладает сущностным единством, как и все обитатели его мира: случайные ассамбляжи частиц периодически возникают, чтобы вскоре распасться, а затем образовать новую конфигурацию. Это похоже на позицию постмодернистского либерализма, как ее описал Ричард Рорти: мы

⁹ Сравнивая древние философские системы Востока с философскими системами современного Запада, следует учитывать неизбежные отличия их концептуального аппарата, но эти отличия не лишают нас возможности выявлять удивительную общность отдаленных друг от друга интеллектуальных традиций.

знаем, что наше мировоззрение и склонности возникли в результате бесчисленных случайных влияний, каждый из нас мог бы стать чем-то другим, если бы обстоятельства жизни, впечатления и встречи были другими, поэтому стоит относиться с иронией к самим себе и к своим убеждениям; осознавая свою обусловленность, не следует гипостазировать и наделять сущностной значимостью набор привязанностей и предпочтений, называемых личностью; это напоминает и буддийскую онтологию, согласно которой каждое живое существо есть поток взаимообусловленных элементов. Частицы-дхармы в конечном счете вообще не существуют, они пусты, так как не обладают своебытием. Удивительным образом буддийская онтология соответствует не только описанию кроулианской Бездны, но и постструктуралистской методологии, раскладывающей любые властные дискурсы на составляющие, чтобы показать их выдуманность и мифичность.

Ночь Пана — очень уязвимое, опасное состояние, ведь здесь мы расстаемся со своей ограниченной субъективностью. Если душа при этом не будет очищена от скверны страстей и не будет вручена Богу в ипостаси Абсолюта (*Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого [Руха ха-Кадош] не отними от меня [псалом 50:12–13]*), а вместо этого изольет свою кровь в чашу Багряной Жены, то итогом, вероятно, станет полное и сознательное подчинение своей воли Вавилонской Блуднице, то есть духовная капитуляция перед силами тьмы и вожделения. Едва ли Кроули и его последователи понимали, что по ту сторону Бездны не может быть магической работы, что ее место занимают высшие и чистейшие формы апофатического мистицизма, не терпящие соседства противоречивых символов. На пути через Бездну Кроули в качестве путеводной звезды сознательно выбрал Мать Мерзостей; английский оккультист предлагает принести себя в жертву Вавилонской Блуднице, то есть обрушиться вниз, подобравшись к пределу пределов — к сефире Даат. Высшие принципы апофатического богословия телемиты связывают с абсолютным злом, именуя его Хоронзоном, а мистиков, оставшихся верными божественной тьме, но сохранивших остатки привязанности к собственному Я, Кроули называл «черными братьями». Дело в том, что дезинтеграция ограниченной личности в Бездне может привести к разным результатам. От своего эго отказываются не только последователи мистицизма Майстера Экхарта и йоги — безумец тоже лишается единства личности, а демонист, отказываясь от эго, приносит его в жертву inferнальным сущностям — и такой субъект, конечно же, будет называть рабскими и неистинными религиозные отношения с Бездной. Неверно считать, что телемит культивирует произвол собственной воли — это лишь этап, а за ним следует жертвоприношение своей личности Матери Мерзостей — Бабалон, Алой Женщине, которая и олицетворяет подлинный произвол воли. Бабалон — все пожирающее и все порождающее начало мира, женская сущность космической страсти; здесь Телема немного похожа на тантрический шактизм, но эти традиции, конечно, не следует отождествлять¹⁰.

Постмодерн, показывающий сконструированность любого единства, является состоянием Бездны — в культурно-историческом смысле; но сознательный и последовательный спуск вниз — в область духовной трансгрессии, в управляемое беззаконие — уже не соответствует игровой беспринципности классического постмодерна, ведь здесь возникают своеобразные верования, магические цели, логика оккультных обрядов, поэтому спуск вниз тоже выводит нас за пределы постмодерна, здесь мы тоже сталкиваемся с некоторой формой постпостмодернистской коагуляции хаоса.

¹⁰ Написав эти строки, я вышел на балкон. На соседнем балконе я увидел полуобнаженную старуху — она принимала солнечную ванну; заметив меня, старуха приветственно помахала рукой.

О Кроули пел Оззи Осборн, его работы любил Джимми Пейдж, уже в 60-е британский оккультист был востребован молодежной контркультурой, а чуть позже целая плеяда британских индустриальных экспериментаторов пошла по его стопам, ведь этот оккультный *enfant terrible* был первой рок-звездой, хотя не пел песен под гитару, зато химически осваивал космос, изучал радикальные аспекты сексуальности, до битников и хиппи стал исследовать страны Востока. Его энергия и неистовство были той же природы, что и разрушительная энергия рок-музыки. *Можно ли назвать этот стиль жизни гипертрофированным байронизмом? Не была ли романтическая ирония, основанная на чувстве ничтожности любых человеческих ответов на вызов Абсолюта, предтечей отчаянного нигилизма XX века, нигилизма, парадоксальным образом связанного с одержимостью свободой, красотой и молодостью?*

Кроули стал иконой протестной молодежной культуры. Ненароком его портрет попал на обложку альбома «*The Beatles*» «*Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band*». Наиболее необычная композиция с этого альбома «*A Day in the Life*» представляет собой перечень впечатлений: лирического героя веселит заметка в газете о прославившемся и разбогатевшем «счастливчике», которому вышибло мозги в аварии; затем повествователь равнодушно сообщает новость, случайно услышанную по телевизору, что британская армия выиграла войну; далее — после загадочного признания (*i'd love to turn you on*) и алеаторического пассажа, то есть жуткого напора звуковой волны, созданной с помощью академического оркестра, — следует перечень других равнозначных событий: отыскал пальто, взял шляпу, взглянул на часы, понял, что опоздал, с кем-то поговорил, прочитал в газете, что на дорогах Блэкберна четыре тысячи ям и выбоин, поднялся наверх, уснул... Песня делится на две части — первую написал Леннон, вторую Маккартни, так что мы словно перескакиваем из одного сознания в другое, из одного дня в другой. Определенная отстраненность, граничащая с равнодушием, прослеживается в этих перечнях, но фиксация равности любых впечатлений вдруг срывается в чудовищный алеаторический шквал. Собственно, нам преподнесли не рассказ о происшествиях, но рассказ о восприятии восприятия происшествий. В сознании лирического героя вспыхивают равнозначные впечатления, а затем происходит перемена личности, но ничего не меняется — поток *impressions* продолжает течь, создавая иллюзию цельности. Оригинально? Ничуть — многие рок-песни состоят из бесконечных перечислений незначительных событий, которые рассказывают вовсе не о себе, но указывают на само восприятие, снабжая это свидетельство сверхнапряженным драматизмом. К чему нас подталкивает романтическая ирония, презирающая однообразное убожество привычной жизни? К стихийности: мы хотим раствориться в экстатическом ритме космоса, выйти за пределы себя — с помощью опасного секса, путешествий, напоминающих преступное бегство, алкоголя и других ядов. Надо рискнуть и подвергнуть сомнению этот жалкий перечень *impressions*, ведь между впечатлениями нет никакой разницы: они просто следуют друг за другом, создавая иллюзию непрерывности, иллюзию целостного Я, поэтому *i'd love to turn you on*, чтобы повредить этот поток, попробовать выглянуть за его рубежи, зная заранее, что ничего не получится. Что же остается? Бесконечно экспериментировать, увеличивать интенсивность, жить на пределе физических и душевных возможностей, хотя и в этом в конечном счете нет определенного смысла, как нет определенного смысла в нечленораздельном финальном фрагменте загадочной композиции «*A Day in the Life*». Но ведь высший смысл находится за пределами обыденного состояния сознания человеческих существ, не так ли?

Всегда ли тотальная дезинтеграция сознания завершается его расширением? И можно ли было подозревать в 60-е, что освобождающие практики получатся коммерциализировать и политизировать? Спуск вниз (катавасия) давно не является эксклюзив-

ной прерогативой оккультистов, ибо практика излияния своей крови в чашу Матери Мерзостей стала частью поп-культуры и обычным делом, с которым сталкивается большинство подростков. Сильные наркотики, сексуальные эксперименты, игры со смертью и загадочные обряды — все это давно превратилось в общее место, стало фрагментами музыкальных клипов, программой уик-энда и отпуска, частью студенческой бравяды. Шокирующие образы, герои, выходящие за пределы любой морали, психоделия, сексуальная раскрепощенность влились в культуру капитализма, а потом стали ассоциироваться с игровой беспринципностью и цинизмом низового постмодерна, о которых так любят рассуждать интеллектуальные пошляки. Но когда кто-то преднамеренно продолжает использовать трансгрессивные практики, сознательно дезинтегрируя и деконструируя собственное Я, считая это частью своего деструктивного развития, называть подобные опыты постмодерном ошибочно, так как здесь abyss, подвергаясь рефлексии, порождает новую, инфермальную твердость. Катавасия — это путь вниз, в состояние, следующее за полной дезинтеграцией. Но мы уже выяснили, что далеко не все пути постмодерна ведут вниз: мы обратились к рогатому козлоному богу, противопоставив это экологическое существо Прометею — герою технической цивилизации модерна. Согласно Телеме, пройдя через бездну, выдержав битву с Хоронзоном, адепт попадает в Ночь Пана. Эта метафора отвечает одной из исторических метаморфоз постмодерна: увидев пустотность и мифичность больших нарративов, цивилизация отказывается от своего эго и растворяется во всем окружающем, в природном ландшафте. Такой образ Пана соответствует цивилизационной аскетике метамодерна, новой твердости, основанной на вновь обретенном аттракторе: окружающий мир, некогда противостоящий человеческой цивилизации, становится новым объединяющим принципом. Короче говоря, нам кажется весьма точной идея Кроули, что мы способны попасть в царство Пана, преодолев Бездну. Что касается Матери Мерзостей, то лучше оставить ее в покое и поскорее покинуть беспокойные миры пленительного Алистера Кроули.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВСЕХ ТЕКСТОВ

Высшая математика, изящные искусства, наивысшая виртуозность, конкуренция высокого уровня, высокая мистика во всем вторят высоким горам или открытому морю.

Мишель Серр. Договор с природой

Примерно в IV веке до н. э. китайский философ Чжуан Чжоу заявил следующее: «Вещи становятся возможными, когда говорят, что они возможны. Вещи оказываются невозможными, когда говорят, что они невозможны. Дорога появляется, когда ее протопчут люди. Вещи становятся такими, какие они есть, когда им дают названия. Каковы же они? Они таковы потому, что считаются таковыми. Почему они не таковы? Они не таковы потому, что таковыми не считаются»¹¹. Мы наблюдаем здесь пример дискурса, в рамках которого означаемое важнее означающего — при таком подходе слова руководят вещами, а не наоборот, точного знания о вещах быть не может, все сущее — сфера мнений, а Истину нельзя уместить в словесно-логические формулы.

Подобная неопишемая (апофатическая) Истина, стоящая по ту сторону знаковой реальности, по ту сторону рационального знания и всех возможных точек зрения, и была

¹¹ Чжуан-цзы. Ле-цзы. М.: Мысль, 1995. С. 67.

тем Абсолютом, который пытались атаковать революционер Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» и спекулятивный реалист Квентин Мейясу в эссе «После конечности. Эссе о необходимости контингентности». Ленин справедливо указывает, что некоторые направления позитивистской философии, вдохновленные гносеологией Дэвида Юма, подрывают доверие к материалистическому реализму. Собственно, если следовать Юму, Маху и Авенариусу, вообще нет никакой объективной материальной реальности без воспринимающего субъекта, а субъекта нет без опыта восприятия. Эмпириокритицизм, открытый Юмом и развиваемый Махом и Авенариусом, доказывает невозможность объективной истины, но допускает существование Абсолюта, стоящего по ту сторону знаний и мнений. Интересно, что эмпириокритицизм пришел к своеобразной религиозной апофатике логико-эмпирическим путем. В таком варианте позитивизм очень похож на многие направления древневосточной философии — формула Авенариуса «Без субъекта нет объекта и без объекта нет субъекта» в точности соответствует логике Нагарджуны. В дальнейшем Эрвин Шредингер в своих философских работах, опираясь на индийскую философию и эмпириокритицизм, объяснял, почему идея взаимозависимости познающего субъекта и познаваемого объекта соответствует научному мировоззрению. Ленин, презирующий любую «поповщину» и воюющий с «боженькой», исходил зловещей слюной, когда обнаруживал в левацких кругах адептов околорелигиозного эмпириокритицизма. А таковых было немало — к ним примыкал даже Луначарский, в лицо которому и была выплунута главная философская работа Ленина, разносящая эмпириокритицизм за его несовместимость с каноническим догматом Карла Маркса.

Так пишет Луначарский о Ленине накануне возвращения в Россию (март—апрель 1917 года):

«Во время наших разговоров на всевозможные темы мы очень часто беседовали мирно, и Ленин проявлял всю ту исключительную обаятельность, которую он умел внести в частные товарищеские отношения. Но когда мы заговорили о моих богостроительских домыслах, то Ленин превратился в очень строгого учителя и заговорил в самом резком тоне, не стесняясь в выборе выражений. Мне кажется, что я и теперь могу передать с большей или меньшей точностью, что от него тогда слышал. По крайней мере то, что врезалось в мою память: „Самое позорное в этой вашей позиции, — говорил мне Ленин, — это то, что вы действительно воображаете будто делаете честь марксизму, когда называете его величайшей из религий, и будто вы чем-то украшаете его, когда, не ограничиваясь этим мерзейшим понятием — религия, еще при помощи разных ухищрений притягиваете туда и позорное слово: «бог». В то время как научный социализм есть нечто прямо противоположное всякой религии, в то время как всякий марксист является беспощадным борцом против религии, вы пытаетесь поставить социализм в одну шеренгу с религией, вы пытаетесь перебрасывать мосты через непроходимые бездны, которые отделяют материализм от всего, хотя бы слабо папахивающего поповством. Вот это непонимание, повторяю, делает ваши ложные шаги такими отвратительными“¹².

Казалось бы, каким поповством может папахивать изощренная система Авенариуса, основанная на анализе ощущений? Очень просто: под «поповством» Ленин подразумевает любую философскую систему, которая подрывает веру в материальную реальность. Прометей хочет создать новый мир по строгой выкройке — никаких компромиссов быть не может, вот почему Ленин, словно христианский апологет, воевал с ересями, а еретиков было много: возникло богостроительство — последователи это-

¹² Луначарский А. В. Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 499—500.

го интеллектуального движения стремились объединить марксизм, религиозное мировоззрение и эмпириокритицизм; на почве богостроительства сформировалась Каприйская школа, организованная на итальянском острове Капри членами РСДРП; возникла группа «Вперед», соединявшая неокантианство и махизм с политическим радикализмом и программами просвещения пролетариата. Вся эта высоколобая интеллигентщина не могла вместиться в диктаторские планы догматической политехнологии большевиков, которая наращивала мощь, находя различные ереси внутри собственного движения, что в будущем примет форму чисток, направленных против уклонов от генеральной линии партии. Специфический стиль изобличения ересей присутствует уже в сочинениях Ленина и Троцкого. Затем этот риторический стиль будет обслуживать масштабные политические репрессии.

Когда спекулятивный реалист Мейясу нападает на корреляционизм, он вовсе не скрывает своей ангажированности: Мейясу открыто занимается апологетикой реалистического «научного» мировоззрения, а тотального релятивизма опасается именно потому, что тот допускает наличие высшей невыразимой Истины религиозного характера, Истины, возвышающейся над всеми точками зрения. Мейясу из кожи вон лезет, чтобы предотвратить саму возможность религиозного источника всех форм языка, стоящего над этими формами, предлагая иной Абсолют — бескомпромиссный хаос, чистую случайность. Мировоззрение Мейясу, в сущности, является прометеанством, хотя скрывает свою идеологическую кондовость под изошренной риторикой: Мейясу рассуждает в стиле философии языка, занимаясь апологетикой архаичного реализма.

Впервые апофатическая проблематика возникает в древнеиндийской философии. В VIII веке до н. э. появляются первые Упанишады — философские трактаты, в которых мифические и религиозные сюжеты Вед получают новое толкование. Плюрализм ведийской религии, в рамках которого животные, стихии, люди и многочисленные боги наделялись священными качествами и могли превращаться друг в друга, а в центре жреческой традиции находились магико-ритуальные действия, поддерживающие миропорядок, соединяющие мир людей с миром богов, порождает идею единого начала — Брахмана. Концепция Брахмана становится центральной идеей веданты — одной из традиционных даршан. Слово «веданта» буквально означает «окончание Вед»; изначально ведантой называли сочинения, примыкавшие к Ведам: Упанишады (собственно философские сочинения), Араньяки (секретные книги для лесных отшельников) и Брахманы (книги, проясняющие ведийский ритуал); затем ведантой стали называть отдельную школу индийской философии. В рамках этой школы существовало множество течений, различно интерпретирующих основные концепции, возникшие в Упанишадах.

Уже в одном из древнейших трактатов индийской философии, в Брихадараньякаупанишаде («Великие тайные лесные учения»), содержится первое апофатическое определение Абсолюта-Брахмана: «Нети, нети» — «Он — это тот, который был описан как „не то“, „не то“». В различных направлениях веданты это изречение стало мантрой, используемой при медитации на непостижимость Абсолюта, сущность которого парадоксально познается только через отрицание качеств: Брахман не может быть чем-то определяемым, поэтому он «не то, не то». Важно заметить, что индийская философия в целом отличается практической направленностью: философствование неразрывно связано здесь с духовной практикой. Считалось, что высшие принципы невозможно постичь без аскетической и особой ментальной подготовки (на Западе нечто похожее мы наблюдаем у пифагорейцев и неоплатоников). Обычное человеческое сознание не может приблизиться к запредельной сущности Брахмана, поэтому для него открыт лишь путь отбрасывания качеств, который в итоге должен привести адепта к недискурсивному постижению трансцендентной и имманентной подосновы всего

сущего. Одновременная трансцендентность и имманентность Брахмана — еще один важнейший парадокс веданты. В Иша-упанишаде сказано, что Атман¹³ пребывает внутри всего, и все же Он вне всего. А в Кена-упанишаде мы находим более подробное описание имманентно-трансцендентной природы Брахмана: «Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем, не распознаем, как можно учить этому. Поистине, это отлично от познанного и выше непознанного — так слышали мы от древних, которые разъяснили нам это. Что невыразимо речью, чем выражается речь — знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом [мире люди]. Что не мыслится разумом, чем, [как] говорят, мыслим разум — знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом [мире люди]. Что не видно глазом, чем видны глаза — знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом [мире люди]. Что не слышно ухом, чем слышно это ухо — знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом [мире люди]. Что не дышит дыханием, чем дышится дыхание — знай: то и есть Брахман, а не то, что почитают в этом [мире люди]»¹⁴.

Следует заметить, что философия веданты изначально была не только апофатической, в ней сразу присутствовала и противоположная тенденция — методика положительного определения изначальной реальности. В Упанишадах мы находим различные эпитеты Абсолюта. Брахман — это интеллект, познание, блаженство, радость, пустота, жизненное дыхание, чистота, бессмертие и т. д. В дальнейшем одни школы индийской философии делали акцент на апофатических принципах описания Абсолюта, тогда как другие сосредотачивались на положительных признаках, на тех чертах Брахмана, которые превращали его в единого высшего бога — Ишвару (господа, повелителя), творца вселенной. Позже Ишвара предстал в образе Шивы, Вишну или Брахмы, а иногда в облике тримурти (трех ликов) — объединенного триединого божественного начала.

Методика описания высшей реальности соотносится с предполагаемым итогом духовной работы. Будет ли достижение мокши (освобождения из колеса сансары) полным исчезновением всех ментальных состояний или вечным переживанием ананды (блаженства)? В дальнейшем эта проблематика перенеслась в буддизм: является ли нирвана только лишь затуханием? Или же состояние Будды можно описывать положительно — как неограниченное знание и блаженство? В адвайта-веданте (школе, возникшей в VI веке) эта проблема решается с помощью снятия субъект-объектного дуализма: блаженство здесь не является атрибутом, свойством или состоянием Атмана — оно и есть Атман, который прост, то есть чист от множественности. Атман не переживает и не осознает свое блаженство — он и есть блаженство, которое в сансаре проявляется в форме святости, чистоты, истины, в следовании дхарме (закону). В Тантре аспект блаженства Атмана соотносится даже с сексуальным экстазом, а субъект-объектная дихотомия считается двумя модусами Абсолюта — его неподвижной и активной фазами, существующими в форме ритмической вибрации (спанда), являющейся сущностью универсума. Различие апофатических и катафатических методик индийской философии выразилось в понятиях ниргуна и сагуна: первое означает Абсолют без качеств, а второе — Абсолют с качествами. В одних школах (двайта-веданта, вишишта-адвайта-веданта) Брахман в своем высшем проявлении наделен качествами, а в других (адвайта Шанкары) считается, что в высочайшем состоянии Брахман качеств лишен. В философии Упанишад возник апофатический метод, породивший множество интерпретаций в классических и неклассических даршанах. Понятия Атман, Брахман, мокша, ананда и т. д. легли в основу более поздних философских теоретизирований и религиозных практик.

¹³ Атман — эквивалент Брахмана, высшее Я всех существ.

¹⁴ Упанишады: В 3 кн. Кн. 2-я. Пер., предисл. и ком. А. Я. Сыркина. М.: Наука, Ладомир, 1991. С. 71.

Индийская философия во многих аспектах отличается от европейской, она обладает собственным характерным понятийным аппаратом и неразрывно связана с религиозными движениями, но сложно отрицать интеллектуальную близость индийской негативной философии и европейских апофатических традиций. Эта близость позволяет подвергать эти непохожие учения компаративистскому анализу. Бытует мнение, что восточная мудрость трудна для понимания. И почему-то данный тезис не подлежит инверсии: никто не сомневается, что японцы правильно восприняли принципы западной физики. Почему же восточные философии кажутся закрытыми, тогда как они всегда были открыты, начиная с «Вопросов Милинды»? Шопенгауэр успешно адаптировал Упанишады для нужд западного пессимизма, а за много веков до него, как полагают авторитетные источники¹⁵, Пиррон освоил буддийскую логику. Даже Хайдеггер нашел общий язык с дзен-буддистами. Поэтому и нам пора деколонизировать философию, открыв двери не таинственному, а совершенно ясному Востоку. Пустота Нагарджуны доступна для нашего сознания ничуть не меньше, чем суши доступны для нашей гастрономии. Тем более что в XX веке пути философии Востока и Запада вновь сошлись, когда представители самых разных школ европейской философии вдруг осознали онтологическую значимость языка.

Некогда древнекитайские даосы ставили речь впереди вещей, а в Индии мудрецы Кашмира описали мир как иерархическое развертывание первичного звука (*nāda*) — высшей формы и первоисточника всякой речи. *Nada* — это звук Абсолюта, вечно звучащий слог, тождественный Брахману. Кашмирский шиваит, практикующий матрица-йогу, воспринимал космос в форме санскритского алфавита, он встраивал в грамматическую вселенную свое тело и свое сознание. Позже эта идея стала фундаментом для практики *Surat Shabd Yoga*, распространенной среди некоторых тантриков и адептов традиции Сан Мат, которые считают себя последователями Кабира.

Лингвистический абсолютизм противостоит консервативной стагнации традиционализма, ведь язык — лабильная субстанция. Силы или потенции (шакти) Брахмана постоянно актуализируются с помощью новых форм; бесконечная изменчивость и неисчерпаемое разнообразие — таковы проявления Абсолюта в мире. Когда Кабир нарушал чистоту традиций, называя Бога различными именами (Рама, Аллах, Атма, Брахман, Ниргун, Эмир и т. д.), он отвечал этому принципу Абсолюта, подражал Богу в Его бесконечной потенциальности. Эклектичный сикхизм раскрыл в новых формах изначальные творческие потенции ведических и исламских традиций через архитектуру, стиль жизни, этику и поэзию — мы не встречаем здесь оскудения. Подобный опыт может пригодиться субъекту метамодерна, который вынужден искать точки соприкосновения всевозможных мировоззрений. Сегодня нам требуется не изолированное существование в рамках мультикультурализма или теории пересечений, но высшая форма интеграции, то есть смешение культур без потери их глубины. Мы видим, что это вполне возможно, изучая движение сантов — поэтов и мистиков, преодолевших противоречия между исламом и индуизмом. Кабир успешно размывал границы, считая, что различия религий — только фикция низшей формы речи, условность. В этом он близок Мишелю Фуко, который размывал границы понятий, показывая, что такие концепции, как «нормальность» и «безумие», — лишь социальные конструкты. Согласно Фуко, любое знание формируется властным дискурсом, а Кабир считал фикцией религиозную идентичность, он отрицал и кастовые различия; его последователи, сикхи, признали равенство мужчин и женщин, они полагали, что подлинное Имя Всевышнего не может быть доступно ограниченному разуму. За такие воззрения Кабира преследо-

¹⁵ Kuzminski A. Pyrrhonism: How the Ancient Greeks Reinvented Buddhism. Studies in Comparative Philosophy and Religion. Lanham: Lexington Books, 2008.

вало индийское и мусульманское духовенство, ведь он деконструировал их дискурсы, демонстрируя условность религиозных ограничений.

Концепция Shabd сводит к единству все языковые, религиозные, мировоззренческие различия — все в конечном счете является звуковым потоком, сакральную форму которого можно воспринять, закупорив уши и вслушиваясь в различные внутренние шумы. Шабд — не просто звуковой поток, не просто шум в ушах, но изначальная форма языка и абсолютный источник всего космоса; так однородная желтая сердцевина павлиньего яйца содержит будущую пестроту оперения птицы. Подобный лингвистический абсолютизм имеет место и в авраамической традиции: согласно авторитетному каббалистическому трактату «Сефер йецира», весь мир — лишь комбинация букв еврейского алфавита, которые были созданы непостижимым Абсолютом (Эйн Соф).

Мы находим следы лингвистического абсолютизма в модернистской литературе, породившей постмодернистский универсум: Джеймс Джойс и Фернандо Пессоа предвосхитили постструктуралистскую онтологизацию языка. Пессоа приблизился к метафизическим истокам лингвистического монизма в грандиозном романе «Книга непокоя», где находим такие слова: «Иногда сам ритм фразы требует Бога, а не Богов; иногда навязывают себя два слога слова „Боги“, и я словесно меняю вселенную; иногда, напротив, перевешивают потребности сокровенной строки, смещение ритма, эмоциональное потрясение, и тогда кажутся более подходящими и становятся предпочтительнее политеизм или монотеизм. Боги — это производная стиля»¹⁶. Кабир бы подписался под этими словами португальского модерниста.

ИМПЕРИАЛИЗМ И ШИЗОФРЕНИЯ

В предыдущих параграфах мы выяснили, что нашумевшее и надоевшее словечко «постмодерн» соответствует нескольким интеллектуальным тенденциям, доминировавшим во второй половине XX века; затем эти тенденции значительно трансформировались, обрели твердость и прямолинейность. Объединяет постмодернистские тенденции недоверие к любым описаниям реальности, которые претендуют на безусловную истину, недоверие к ограниченным языкам и знаниям. Такая настороженность обусловлена чередой политических, военных и мировоззренческих катастроф, произошедших в результате веры людей в проекты тотального переустройства социума. Новое время возлагало большие надежды на прогресс и просвещение, которые дискредитировали себя жестокостью современных людей по отношению к окружающей среде и себе подобным. Послевоенное поколение, разочаровавшись в современном Западе, стало искать новые способы культурной самоидентификации. Повсеместный интерес к домодерным и незападным культурно-религиозным традициям, химическая космонавтика, революции телесности и воображения — все это легло в основу того мира, который достался нам в наследство. Мы живем в ложбине этой колоссальной волны эмансипации, но до сих пор используем языки, порожденные ею.

Во многом эта волна связана с разочарованностью в больших общественно-политических проектах, поэтому одной из важных ее тенденций были нигилизм и цинизм, достигшие своей концептуальной кульминации в контркультуре конца XX века — именно здесь появляются потрясающие гибриды разрушения, соединяющие в себе ультраправую и гомосексуальную поэтику, удобряющие оккультный гитлеризм спорами галлюциногенных грибов и болезненной нежностью электронного декаданса. Дети детей цветов захотели играть в темноте (альбом группы «Coil» «Musick to Play in the Dark» позволяет понять, к чему в итоге пришла культура расширения созна-

¹⁶ Пессоа Ф. Книга непокоя. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 87.

ния); почему радуга не может быть черной, если в этом тоже есть свой интерес и своя интенсивность? Агрессия в игровом режиме дарит новые странные чувства. Когда все сплывающие мифы окончательно подорваны, мы уходим в своеобычные состояния, обусловленные самыми дикими ассамбляжами, в персональные миры, возвращенные на дьявольских почвах, в метафизические эксцессы грациозной гнусности. Проблема в том, что авангардные эксперименты и опасные личные практики не варились в собственном соку — они быстро упростились, коммерциализировались и накрыли массы мглой небывалой деструктивности, проявившейся в популярной культуре 80-х и 90-х, которая и стала ассоциироваться с «постмодернизмом» — особенно в России, снова зашедшей слишком далеко в попытке догнать и перегнать остальной мир.

Радикальный релятивизм, порожденный недоверием к любым дискурсам, претендующим на объективность, может привести к этическому и правовому нигилизму, ведь если абсолютная истина неопишима и располагается за пределами языка, то мелкие истинки уравниваются в своей ничтожности, ибо относительно Абсолюта все правы и неправы, все факты ошибочны и верны. В конечном счете само сущее становится дискредитированным, так как оно заслоняет собой бескачественный, неопишемый Абсолют. Поэтому христианские богословы и буддийские философы предупреждали об опасности чистого апофатизма. «Берешит» Алистера Кроули замечательно демонстрирует логику апофатического нигилизма — и судьба оккультного *enfant terrible* подтверждает наши подозрения.

Если язык предшествует вещам и фактам, если вещи и факты являются акцидентиями доминирующего дискурса, то любое высказывание оказывается истинным и ложным одновременно. Мы отказались от референта — больше нет никаких объектов внеязыковой действительности. Казалось бы, теперь мы свободны от диктатуры фактов, теперь мы умеем ниспровергать любые жреческие сообщества, создающие факты. Но не тут-то было: шизофашизм научился использовать эту ситуацию для собственной выгоды. Если референт всегда конструируется с той или иной идеологической целью, а Истина не может быть доступна обыденному сознанию, тогда остается возводить подходящие языковые конструкции, создающие истинку, адекватную поставленным задачам.

Михаил Эпштейн верно замечает, что фашизм (в отличие от шизофашизма) был достаточно цельным мировоззрением¹⁷. Его создатели манипулировали массами, указывая на слабые места политических противников. Риторика так называемого «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом подкупала своей внешней рациональностью, а не только животным витализмом и одержимостью мифом, как принято считать. Фашистская пропаганда указывала на очевидности: либеральный капитализм атомизирует и расчеловечивает общество, превращая каждого в экономическую функцию. Фашисты и нацисты адаптировали марксистскую риторику для своих целей: не отрицая зло отчужденного труда, они предлагали преодолевать его с помощью национальной сплоченности. Человеческую связь между капиталистом и наемником легко инсценировать, нетрудно сделать из них идейных союзников, если объединить против кого-то. Труд освобождает, когда подчинен высшим целям, а не жалкому бюргерскому влечению к наживе. Разочарования в русской революции только подтвердили эту логику: бездушный либеральный капитализм, конечно, надо преодолевать, общество, конечно, необходимо скреплять высшими этическими, духовными смыслами, а не бросать людей на произвол рынка, но для этого вовсе не нужно истреблять целый класс образованных людей, элиту нации, не надо крушить дома и жечь поместья. Кроме того,

¹⁷ Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 261–262.

марксистов легко было уличить в тех же грехах, в которых они обвиняли капитал, ведь и здесь, в мифе коммунистов, субстанцией человеческих отношений объявляются цифры, экономика, обществом управляют пустые схемы, над которыми стоят партийные мудрецы сомнительного происхождения. Все это плохо подходило мечтательным и романтическим народам с более широкой душой и своеобразной статью. Здесь необходимо еще раз уточнить, что так называемый «третий путь» сохранял в себе все признаки модерна — это был очередной технократический промышленный проект, основанный на идее радикального переустройства общества; архаика и консерватизм исполняли важные, но неглавные роли в этом современном спектакле. Привычные жизненные устои были радикально трансформированы, интоксикация общества политической риторикой достигала советских масштабов. *Современность завораживает своими техническими возможностями, традиционный мир очаровывает величественной эстетикой, так почему бы не создать валькирию на дизельном топливе?*

Современный шизофашизм не создает позитивной программы, не стремится преодолеть капитализм или выправить несовершенства социалистического проекта. Скорее, он использует все дискурсы одновременно: сохраняя всю бесчеловечную машинерию жесточайшего капитализма, он отрицает идейную составляющую демократического общества — свободу слова и права человека, шизофашизм использует советские идеологические штампы, одновременно разоблачая большевистских революционеров, он занимается апологетикой царизма, но ни во что не ставит культурное наследие белоэмигрантов. Шизофашистские империалисты, захватывая территории соседних государств, возвращают советские топонимы; красные знамена соседствуют с имперскими флагами.

Если классические фашисты говорили об угрозе большевизма, то современные шизофашисты главной опасностью считают программы критических теорий, противостоящие «традиционным ценностям». Шизофашизм, атакуя демократические принципы, зачастую указывает на шизофренические нонсенсы и абсурдные парадоксы антилиберальных теоретиков социальной справедливости. Диктатура меньшинств, угнетение белых натуралов, преследование семейных ценностей, насильственная гомосексуализация детей и полная утрата человеческой идентичности в результате трансгуманистических экспериментов — этим запугивают телезрителей постмодернистские ультраправые популисты. В свою очередь, разнообразные активисты, отстаивая социальную справедливость, всюду выискивают фашистские дискурсы и следы патриархата, они придираются друг к другу и к любым публичным высказываниям, цензурируют внешность, привычки, образование. Вавилонское столпотворение критических теорий всюду обнаруживает зловещую тень фашистского Баала, тем самым подкармливая его, ведь Баал шизофашизма только еще больше распаляется, указывая на вездесущую диктатуру постмодернистских леваков, которых в России упорно продолжают именовать либералами, хотя борцы за социальную справедливость отрицают основополагающий либеральный принцип — правовое равенство всех граждан, равенство, которое не зависит от социального статуса, пола и сексуальной ориентации. Активисты отстаивают правовую привилегированность тех или иных меньшинств, так как считают, что угнетенные изначально занимают невыгодное положение (такая политика называется «позитивной дискриминацией»). Результатом войны шизофашистов с активистами становится идеологическая интоксикация системы образования и СМИ, создающая иллюзию реального конфликта жизненных интересов.

Дискурс критических теорий порождает эффект инородности и чрезвычайной аномальности общества, в котором эти теории начинают определенным образом доминировать, хотя их экспансия распространяется лишь на отдельные институты, но в стране победившего шизофашизма интеллектуальные демагоги и СМИ так преподносят

эту экспансию, чтобы в сознании обывателя, который редко выезжает или вовсе не выезжает за границу, возникло впечатление, что на условном Западе воцарилась тотальная диктатура поборников социальной справедливости, что старый привычный уклад жизни там уже невозможен, а правила поведения стали предельно абсурдными, хотя на самом деле адептов новой идеологии не так уж много, их не более десяти процентов населения¹⁸. Здесь надо заметить, что и на территории победившего шизофашизма процент убежденных шовинистов, сознательно отрицающих демократические ценности и ненавидящих культуру Запада, тоже не слишком велик, хотя проверить это непросто, но будь это не так, диктаторам не пришлось бы затрачивать на пропаганду колоссальные средства.

В стране победившего шизофашизма у людей отняли гражданские свободы, но в личной жизни большинство чувствует себя достаточно вольно. Скажем, едва ли современный шизофашистский обыватель, лишенный фатальных особенностей, испытывает потребность в еще большей сексуальной свободе. Избыток секса и алкоголя даже в авторитарном обществе создает иллюзию определенной личной независимости — именно поэтому часть богемы довольна положением вещей; напротив, нормы политкорректности (как мы уже заметили, беспредельность их господства на условном Западе в разы преувеличена шизофашистской пропагандой) вызывают много вопросов, ведь невротические правила новой этики действительно в большей степени сходятся с начетническими марксистско-ленинскими догмами, игнорировавшими саму жизнь и реальные потребности людей. Именно поэтому пропагандистам удалось распространить миф, что некая форма коммунистического тоталитаризма (хотя чаще это называют «либерализмом») давно захватила Европу и Америку, так что теперь мы стали носителями классических европейских ценностей. По правде сказать, веселые пропагандисты шизофашизма, не лишенные панибратского тона и циничного провинциального юмора, вовсе не напоминают механическую советскую пропаганду — они работают со зрителем, норовят угодить простому человеку, заискивают — на их фоне фанатики социальной справедливости, вооруженные птичьим языком постструктурализма, и впрямь больше напоминают робототехнику коммунистической схоластики. Адепты новой этики требуют беспрекословно принять определенную мораль — именно в этом они похожи на классических идеологов, на советских марксистов, изблещавших еретические взгляды. Но теперь адепты критических теорий любой дискурс подозревают в сексизме, гомофобии, расизме и трансфобии. Авторы книги «Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого» справедливо замечают, что авторитарные попытки активистов диктовать, что людям полагается думать по поводу гендера и сексуальности и в каких терминах выражать свои мысли, приводят к росту агрессии, лишь увеличивают нетерпимость. Активисты социальной справедливости навязывают доминирующим группам чувство вины, инкриминируя белым людям расизм, мужчинам — сексизм, а гетеросексуалам — гомофобию, то есть активисты сами относятся к определенным группам с предубеждением¹⁹. Феминистки подсчитывают количество слов, произнесенных женщинами в фильме, чтобы уличить режиссера в сексизме, другие активисты требуют, чтобы актеры играли только тех персонажей, с которыми они входят в одну группу идентичности: гетеросексуальной женщине нельзя играть лесбиянок, а трудоспособному индивиду — инвалидов. Особенно уязвимыми оказываются музыканты и художники, которых обвиняют в культурной апроприации²⁰.

¹⁸ Плакроуз Х., Линдси Д. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Индивидуум, 2022. С. 320–321.

¹⁹ Там же. С. 368.

²⁰ Там же. С. 315.

На фоне этого абсурда пропаганда шизофашизма кажется очередным развлека- тельным шоу. Просто на шоу нельзя повлиять — здесь веселятся по правилам неиз- менной группы властных сатириков, а возглавляет все главный скоморох, оседлав- ший медведя. Но никто тебя не заставляет на это смотреть и в этом участвовать (до поры до времени), хотя порой приходится оплачивать очередной цирковой номер... И пытаться сорвать спектакль (особенно кровавый) нельзя: за это полагается штраф, а в тяжелых случаях — срок.

В сущности, ультралевые снова сталкиваются с ультраправыми, только теперь это шизосоциалисты и шизофашисты, а расхлебывать кашу приходится всем. Одни повсю- ду выискивают расизм (особенно там, где его нет), атакуют классическую культуру, считая ее продуктом белых сексистов, а еще всячески превозносят телесную аморф- ность, противопоставляя ее «патриархальным» эстетическим канонам, тем самым вы- зывая лютую ненависть и презрение у представителей второго лагеря — немалочис- ленной прослойки современных мизантропов. Когда отталкивающий и агрессивный субъект учит вас жить и заявляет, что вы обязаны стесняться своих преимуществ, это часто вызывает негативную реакцию, порой преувеличенно негативную, если речь идет о молодых людях, склонных к идеализму и протесту. После этических пропове- дей невротической корректности и несправедливой социальной справедливости легко стать радикальным нищезанцем, а потом пойти уже совсем далеко вправо. И сложно ли, показав наиболее одиозные примеры абсурда, промыть мозги многочисленным необразованным телезрителям, напугав их инфернальной картиной тоталитарной пол- литкорректности? *Это было бы даже смешно, если бы не было правдой: пропагандистам шизофашизма действительно удалось убедить людей в том, что лучше умереть на вой- не или с голоду, что лучше вернуть «железный занавес», чем жить по законам новой этики, якобы восторжествовавшей на условном Западе. Однажды было что-то похо- жее, когда немцев запугали большевизмом.* Отличие состоит в том, что в XX веке угроза была реальной, зато теперь телевизионные колдуны так застрашали зрителей гей-па- радом, что он стал казаться еще ужаснее расстрельных списков, сожженных поместий и взорванных церквей. Каждый авторитарный властитель должен благодарить Джудит Батлер и подобных ей, ведь именно такие теоретики создают образ, от которо- го может отталкиваться ультраконсервативная пропаганда, чтобы запугивать массы.

Адепты теории социальной справедливости утверждают, что представители разных групповых идентичностей не могут полностью понять друг друга; следовательно, за- дача белого цисгендерного мужчины состоит в том, чтобы держаться на почтительном расстоянии, даже не пытаясь найти общий поведенческий консенсус. Шизофашист- ская теория многополярного мира (ТММ) исходит из аналогичных предпосылок: разные цивилизации, созданные на фундаменте различных логосов, никогда не смо- гут до конца друг друга понять, а поэтому им не следует лезть друг к другу с претен- зиями; скажем, если в какой-то стране принято вырезать женщинам клитор, то сле- дует считать это своеобразным проявлением цивилизационной идентичности, а лю- бое осуждение подобных практик представителями другого логоса должно считаться цивилизационным шовинизмом. *Согласно некоторым феминистским теориям, жен- щины являются носителями другой логики, другого типа мышления, сама природа жен- щины столетиями искажалась под натиском требований патриархата. То же самое говорят и теоретики многополярного мира: русская культура обладает особенной ста- тью, которая не вписывается в нормы либерализма, эта идентичность искажалась и подавлялась, приспосабливаясь к европейской культуре. ТММ доходит до того, что требует отменить петербургскую составляющую русской культуры — как неподлинное, как искажение русского логоса. Так и феминистки третьей волны считают проявле-*

ния женственности только лишь извращением женского естества. Каблуки, платья и покладистость — все это навязали женщинам их поработители. Обе теории зиждутся на радикальном культурном нигилизме, обе теории предлагают сбросить колоссальные пласты поведенческих паттернов, формировавшихся столетиями, обе теории хотят по-новому собрать человека и общество. Обе теории базируются на главном постулате постмодерна: объективной истины не существует, есть лишь локальные точки зрения, обусловленные различными дискурсивными практиками, сформированными на почве разных групповых идентичностей. С этим сложно поспорить, ведь объективность была придумана в Новое время, объективность — это продукт рациональной научно-технической цивилизации белых мужчин Запада. Что такое Зимний дворец для адепта ТММ? Жалкое подражание чужеродной европейской архитектуре. Что такое женственность для радикальных феминисток? Жалкое пресмыкательство патриархату. Такая идеология замечательно подходит, чтобы избавиться от общей ответственности, ведь европейская архитектура — это не только Версаль, сегодня это жесткие экологические и градостроительные требования, оберегающие исторические постройки, ландшафты и среду. Но Запад нам не указчик, у нас особенный логос, поэтому и экология своя, а старинные дома были построены в эпоху вестернизации России — нечего их жалеть. Мы же теперь знаем, что красота является конвенцией, а не объективностью. Даже здоровье — только подавляющая фикция, обслуживающая властный дискурс. Теперь принято наслаждаться ожирением, а не страдать им, ведь идеал стройности навязан патриархатом и капитализмом, так что женщина не обязана приобретать товарный вид, угождая мужским потребностям.

Многополярный шизофашизм и теория социальной справедливости страдают агрессивным скудоумием сходственного генеза. Это легко доказать, внимательно исследовав их недопостмодернистские предпосылки. Равенство дискурсов и отсутствие объективной истины с неизбежностью должны приводить к абсолютному равенству любых идентичностей. Нет никаких оснований полагать, что внутри крупного цивилизационного «логоса» не может возникнуть бесчисленного множества индивидуальных «логосов», нет никаких оснований выделять угнетателей и угнетенных, исходя из цвета кожи и ориентации, ведь внутри сообщества черных гомосексуалов белый натурал окажется меньшинством, стройный среди ожиревших будет чувствовать себя неважно. В итоге, руководствуясь этой логикой, мы приходим к тотальному абсурду навязанной разобщенности. Философские предпосылки теории многополярного мира не выдерживают критики. ТММ исходит из того, что существует коллективная идентичность, которую следует оберегать от враждебных элементов. Мы наблюдаем здесь пример сконструированного фундаментализма, ведь никакой унифицированной евразийской идентичности нет, но ее надо выкопать (из советской и опричной могилы) и насадить, чтобы выстроить тот самый коллективный логос. При этом идентичность определяют негативно — путем отрицания. *Что общего между консервативным дагестанцем, православным ура-патриотом, гопником и бурятским ламой-обскурантистом? У них есть общее неприятие принципов гражданской свободы; каждый из них отрицает, что тело индивида принадлежит ему, и только ему, что его сексуальные практики, его внешность, его мировоззрение — только его дело, что никто не имеет права заставлять человека придерживаться определенной морали, следовать неписаному кодексу и отвечать за свой выбор перед коллективом, если действия человека не угрожают свободе и безопасности окружающих. Этого не понимают и адепты социальной справедливости, когда преследуют людей за культурную апроприацию, излишнюю феминность, маскулинность или некорректные высказывания. Ты уже не можешь носить чалму и дреды, будучи белым, делать одежду исключительно для стройных людей, снимать кино, в котором нет чер-*

ных, гомосексуалов, женщин и трансгендерных персон, не рискуя при этом заработать серьезные неприятности. Здесь надо заметить, что рискуют не только белые натуралы: согласно логике теории пересечений, лучше бы японцу не носить пончо, чтобы не обидеть латиноамериканцев. И все это не шутки, а реальность: например, компания «Diog» удалила рекламу аромата «Sauvage» после обвинений в культурной апроприации, ведь Джонни Депп не имеет права подражать индейцам, хотя в его роду были краснокожие (кажется, это слово пытались запретить) из племени чероки, и не дай бог вам использовать блэкфейс — зачем-то выкрашивая физиономию в черный цвет, вы рискуете своей репутацией, карьерой и физической безопасностью. Но ведь идентичность может быть обусловлена изначальной принадлежностью к той или иной группе, а может быть присвоена в результате личного выбора. Почему человек имеет право поменять сексуальную ориентацию или пол, а потом поменять еще раз, но не может сегодня носить паколь, а завтра желтую шапку буддийской традиции Гелуг? Почему белые кришнаиты из Международного общества сознания Кришны носят индийскую одежду беспрепятственно, а модельер идет на серьезный риск, вдохновляясь хиджабом и сари? Когда Каролина Эррера продемонстрировала коллекцию с мексиканскими орнаментами, правительство Мексики создало законопроект, защищающий национальное достояние от плагиата. Дискурс угнетенных очень удобен для захвата власти, так что сущностно ничем не отличается от дискурса угнетателей. Идеология изолированной идентичности пытается коагулировать хаос, она создает островки твердости, формирует неприкосновенные сгустки в пространстве бескомпромиссной беспочвенности. Сообщества присваивают себе идентичность, монополизируют культурные практики, хотя принадлежность к любому сообществу всегда условна, так как реальная жизнь никогда не застаивается в границах редукционистских схем. Скажем, автор этих строк в одном своем художественном произведении использовал бенгальские числительные — за это мне могли бы предъявить претензии борцы с апроприацией, если бы я жил среди социальной справедливости, а не в шизофашизме. А потом бы выяснилось, что мой отчим бенгалец... Думаю, что борцы сразу бы замолчали, хотя бенгальская культура не слишком сильно коснулась нашей семьи, так что я обладаю такими же правами на бенгальские цифры, какими обладает любой другой человек. Мы уверены, что венесуэлка Каролина Эррера никак не связана с мексиканской культурой? Или в таких случаях уже требуется помощь чрезвычайной комиссии? *Или просто кому-то не хватает интеллекта, чтобы осмыслить вызовы постмодерна? Происходящая вульгаризация гносеологического релятивизма чревата реваншем прежней универсалистской парадигмы классического либерального мировоззрения, новым господством сциентизма и рационального мышления. Катастрофа, произошедшая 24 февраля, еще раз доказала, что выход за пределы корреспондентной теории истины ведет к непредсказуемой политической шаткости.* Обывателю крепко вбили в голову, что врут все, но наши врут свято. Это тоже политика идентичности: нет истины, зато есть групповые интересы, а повод, чтобы отстаивать их, придумать не так уж сложно.

Интерсекциональность и шизофашизм дискредитируют постмодерн, умаляют все его заслуги. Подрывая патриархальный мир и любые формы консервативного дискурса, левые постмодернисты создали новую форму диктатуры — она проявляется в культуре отмены, в новой корпоративной, журналистской и академической этике, в политике позитивной дискриминации: вас могут исключить из вуза или уволить за неправильные взгляды, вас могут называть насильником просто потому, что вы белый гетеросексуал²¹. Шизофашисты, указывая на эти новые правила поведения, раскрывая всю их одиозность, пугая обывателя принудительной содомизацией детей, унич-

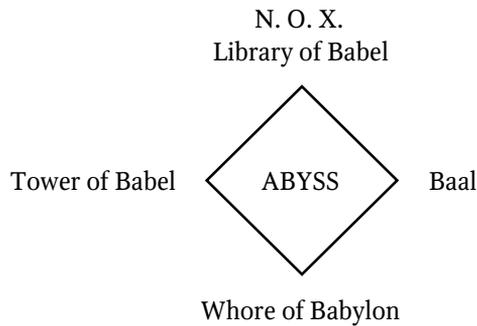
²¹ Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 117.

тожают саму возможность правового гражданского общества. Любой правозащитник автоматически зачисляется здесь, в зоне шизофашизма, в лагерь врагов человечества; равенство перед законом, свобода частной жизни, сменяемость власти — все это, согласно шизофашизму, лишь прикрытие, чтобы путями свободы привести всех нас к моральному и физиологическому вырождению, чтобы сделать из человека киборга, уничтожить мужчин и женщин, отдать каждого человека на растерзание демонам его собственных страстей. Интерсекциональность и шизофашизм *запрещают* — и в этом они сходятся. И при этом адепты социальной справедливости, как и шизофашистские пропагандисты, исходят из того, что истина — это языковая игра, что слова указывают лишь на другие слова, а не на реальность.

Но релятивизм истинного постмодерна, додуманного до конца, — это не просто уравнивание всех точек зрения и отказ от объективной истины. Мировоззрение постмодерна имеет свою цель и свои причины. Причины надлежит искать в крахе больших нарративов, а целью следует полагать свободу самоопределения. *Никто не может навязывать свою точку зрения, апеллируя к очевидности, так как это похоже на диктатуру. Но точно так же никто не может устанавливать диктатуру, ссылаясь на то, что диктатура является своеобразной формой социального устройства, которую тоже надо уважать. Если некий «логос» отказывается от коммуникации, если он представляет опасность для всех других точек зрения, то его следует обезвредить.* Проживая в коммунальной квартире, ты не имеешь права хранить трупы в своей комнате или бить родственников. Диктаторские режимы, обладающие смертоносным вооружением, не могут не вызывать опасений, как ненормальный сосед, способный ночью открыть газ на кухне. Один маленький диктатор много лет прожил в коммуналке, но поспешил забыть об этом. Проблема в том, что из коммуналки можно съехать, если твой личный «логос» вообще не сочетается с правилами квартиры. Что касается корабля, то есть нашей Земли, то здесь мы попадаем в совершенно безвыходную коммуналку: с корабля, плавающего в космосе, нельзя съехать, поэтому строить многополярный мир на корабле — безумие, равное самоубийству. Если в каждой каюте будут царить свои законы, корабль далеко не уплывет. Так уж получилось, что римское право и англосаксонская модель управления кораблем оказались наиболее эффективными. Немец Маркс предложил свою альтернативу, но это плохо кончилось, хотя некоторые его здравые наблюдения и теперь корректируют поведение на корабле. Может быть, евразийцы и адепты теории многополярного мира смогли предложить что-то более достойное и благородное? Пока что мы наблюдаем бегство лучших людей из той злополучной каюты, где восторжествовала мутная консервативная демагогия, перемешанная с опасными идеями «третьего пути».

Долгое время постмодернизм в политике ассоциировался исключительно с крайне левыми убеждениями, но теперь поднял голову и крайне правый, империалистический постмодернизм, который уже принято называть шизофашизмом. Обе крайности основаны на недодуманных посылах постмодернистской эпистемологии, релятивистская логика которой должна была привести к большому разнообразию политических убеждений. Отрицание Истины, единственной для всех объективности, необязательно должно вести к интерсекциональному трайбализму или к нигилизму силы. Совсем наоборот: скептицизм с неизбежностью порождает сомнение в собственной правоте и не позволяет гипостазировать идеи. Если бы постмодернистская эпистемология была хорошо усвоена, то гендер, национальность, логосы цивилизаций, суша-море геополитики и феминитивы осознавались бы только в качестве равноправных элементов непостижимого Языка, но не более того.

КОМПАС МЕТАМОДЕРНА

1. Движение вверх (символ — Вавилонская библиотека в садах Семирамиды): интеграция прасимволов различных культур, высший синтез духовных традиций. Здесь Абсолютом становится язык в своей целостности, проявляющий себя в различных системах описания действительности, ни одна из которых не претендует на полноту истины, следствием чего становится мультигностицизм, позволяющий объединить различные точки зрения в пространстве равноправного Парламента мнений, подчиненного экологическим потребностям всех существ. Отказ от прометеанства ведет к цивилизационному аскезису, то есть к переходу из парадигмы антропоцентризма в парадигму эгоцентризма.

2. Движение вниз (символ — Вавилонская Блудница): сознательное и целенаправленное нисхождение из хаоса в инферно. Здесь царит макабрическая поп-культура, забывшая о своих постмодернистских истоках, и элитарная трансгрессивность. С помощью этого движения совершают напрасные попытки выйти за пределы дозволенного, попать нормы, хотя вседозволенность давно стала нормой, а пределы запрещены общественным мнением. Это половодье внутри океана сохраняет простую логику всецело демократизированной плоти, так что в сухом остатке сохраняется лишь депрессивная пресыщенность освобождением (ситуация «после оргии» — по Бодрийяру). Следующей ступенью на пути вниз становится неонаивность: различные формы усталой непосредственности, беззубой иронии, поэтической теплохладности, домашней сентиментальности — на этом этапе субъект постпостмодерна чувствует себя *пылью на ветру*, это всего-навсего похмелье, наставшее после саморазрушительных практик. В данной точке, в подвале постмодерна, первичный хаос Бездны тоже исчезает, ведь и здесь происходит отбор — избираются исключительно негативные, ослабленные, бледные или зловещие интенсивности.

3. Движение вправо (символ — Баал): шизофашизм, то есть диктатура идеологического симулякра, который обосновывает свое господство бескомпромиссным релятивизмом. Шизофашизм использует археологию знаний, деконструкцию и дискурс постколониализма, доказывая, что все основы либеральной демократии (права человека, разделение властей, свобода слова, политический плюрализм) — лишь идеологические конструкции, подходящие одним народам и онтологически чуждые другим. Согласно шизофашизму, гражданские свободы — миф, обслуживающий интересы империалистического Запада, который навязывает свои принципы прочим народам. Шизофашизм — очередной результат гибели объективности, еще один продукт культуры постмодерна, вычурное порождение Бездны.

4. Движение влево (символ — вавилонское столпотворение): постмодернистская левая политика разрозненных групп, борющихся за идеал социальной справедливости,

конкурирующих в угнетенности: гомосексуал угнетен, а черный гомосексуал угнетен дважды, тогда как черный гомосексуал-инвалид угнетен трижды. Группы конфликтуют друг с другом, отстаивают исключительность своего угнетения и присваивают языки. Скажем, представители какого-то этноса могут возмутиться и вознегодовать, если вы станете использовать их стиль или орнаменты. Проблема левого политического постмодерна состоит в том, что группировки склонны к изоляции, они погрязают в мелочных склоках, утратив общие основания; возникает культура подозрительности, культура обиды. Это вавилонское столпотворение различных меньшинств отрицает возможность универсализма и интеграции, способствует разобщенности. Согласно этой логике, белый цисгендерный мужчина до конца не сможет понять реальность чернокожего гомосексуала, но от него этого и не требуют — он должен только лишь соблюдать предельную корректность и вежливую дистанцию, признавать привилегии угнетенного (отсюда возникло и расхожее представление, что мужчина не может быть феминистом, но только сочувствующим). Дискурс левого постмодерна стал основной пищей для шизофашизма: именно диктатура общественного мнения в некоторых развитых странах, переходящая в травлю известных людей, породившая культуру отмены и анекдотические курьезы (родитель № 1, родитель № 2), провоцирует рост праворадикальных, ультраконсервативных настроений — подобные настроения оказываются предсказуемой протестной реакцией.

Все четыре направления²², зарождаясь в ситуации постмодерна, обретают признаки, противоречащие постмодерну, ведь в каждом из этих течений происходит некая коагуляция изначального хаоса, возникают собственные твердые правила: одни элементы отбрасываются, а другие культивируются. Броуновское движение уступает место смысловым сгусткам.

SUPPLEMENT

ЛИКУРГ, ПОЛИБИЙ, КАНТ И ЮМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МЕТАМОДЕРНА

1. Контрпросвещение или метапросвещение?

Стивен Хикс в книге «Объясняя постмодернизм» создает сомнительную дизъюнкцию, противопоставляя философию Просвещения немецкой классической философии. Хикс даже называет Канта представителем «контрпросвещения», ведь агностицизм Канта подрывает господство научного разума: в контексте аргументов Канта наука имеет дело не с реальностью как таковой, а с ее репрезентацией в сознании. Хикс пишет, что немецкая философия в целом враждебна модерну, истоки которого Хикс находит у Локка и Бэкона²³. Исследователь предпочитает игнорировать тот факт, что начало современного антиреализма следует искать отнюдь не на континенте, ведь это шотландец Дэвид Юм разбудил Канта от догматического сна. Именно гносеология Юма решительно перечеркивает когерентность познания и реальности. Радикаль-

²² На любом компасе можно обозначить промежуточные направления. Компас метамодерна — не исключение. Например, интегральный традиционализм находится на «северо-востоке», то есть между движением вверх и вправо, причем учение Фридьофа Шуона располагается ближе к «северу», а политико-философские сочинения Юлиуса Эвола ближе к «востоку», то есть к шизофашизму, с которым русский традиционализм уже полностью совпадает. Мы можем найти и юго-восточные движения — в культурах дарк-фолк, индастриал и т. п. — здесь иронично соединились оккультно-сексуальные и фашистские тенденции (Вавилонская Блудница верхом на Баале).

²³ Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 40–66.

ные последователи Юма, представители эмпириокритицизма, отрицают, что внешние объекты и воспринимающий субъект могут существовать друг без друга; согласно Авенариусу, весь мир — лишь совокупность ощущений субъекта, поэтому и наука ни с чем другим не взаимодействует.

Но стоит ли говорить о контрпросветительском характере тех философских систем, которые отрицают возможность прямого взаимодействия с «реальностью»? Или было бы справедливее сказать, что эти системы представляют собой самокритику того самого научного просвещения, от лица которого позже действовали нацисты, коммунисты, а сегодня действуют все те, кто ответствен за шестое вымирание животных? Нацизм прикрывался наукой и объективностью, большевики считали себя адептами научного марксизма, вся современная цивилизация, возглавляемая либералами, достигшая точки невозврата на пути экологической катастрофы, действует от лица науки; когда мы произносим слово «модерн», эхом отзывается — «экоцид». Философия Юма, Канта и радикальный эмпириокритицизм доказывали, что реальность недоступна разуму — и здесь, в этой аргументации, разум осязал собственные рамки: побеждая внутренний апейрон (ἄπειρον), он преодолевал хюбрис (ὑβρις). Если бы аргументы скептиков были услышаны, мы могли бы избежать величайших трагедий.

Постмодернистский скептицизм, корректирующий самоуверенность человека Нового времени, был инспирирован Юмом и Кантом, но достиг своего полного развития в эпистемологии Пола Фейерабенда — здесь новый скептицизм заговорил во весь голос. В своих работах Фейерабэнд провозглашает господство радикального релятивизма, будучи представителем научного мира и научной эпистемологии, что еще раз доказывает неправомерность понятия «контрпросвещение». Речь идет, как в случае эмпириокритицизма и немецкой классической философии, о следующей стадии Просвещения, а вовсе не о новом затемнении. Все великие цивилизации обладали этой прививкой: Лао-цзы в Китае говорил, что предельную истину нельзя высказать, в Индии об этом говорили создатели Упанишад, в Греции Сократ заявил, что подлинное знание состоит в признании собственного незнания, в диалоге «Парменид» Платон продемонстрировал ограниченность возможностей разума, рискующего рассуждать о запредельном — Едином. Кант показал, что мы не соприкасаемся с реальностью непосредственно, так как не имеем возможности выйти за пределы категорий сознания. Фейерабэнд продолжил эту традицию. Он объявил, что научный метод — лишь один из способов постижения мира, что этот метод не должен иметь никаких привилегий, что формулы физика не объективнее чертежей астролога, так как в обоих случаях речь идет лишь о локальной объективности, совершенно бессмысленной для приверженцев другого метода. Многоглазый Аргус не отдает предпочтения ни одному из своих зрительных органов.

Дальше я хотел бы остановиться на ошибке, которую допускают апологетики модерна и его непримиримые враги. И те и другие считают, что современная демократия — политический эквивалент научного мировоззрения, ведь она опирается на прогресс и рациональность, выступает за свободу отдельной личности и борется с ограничениями, навязанными суевериями и традицией. Проклиная либеральную демократию, шизофашисты связывают ее с философами-просветителями; в свою очередь, многие либералы, критикуя релятивистский и левацкий постмодернизм, отрицающий господство естественнонаучного познания (как инструмент подавления, созданный белыми цисгендерными мужчинами), предлагают вернуться к истокам — к прогрессистским учениям Локка и Бэкона. Если исходить из этих критик, то выходит, что либерализм — это классическая форма расколдовывающего мир прометеанства (тогда как марксистский проект следует считать более радикальной и безуспешной разновидно-

стью прометеанства). Такой подход упускает из виду немаловажные аспекты правового общества — политический плюрализм и принцип разделения властей, восходящий к спартанцу Ликургу, распределившему власть между царем, народным собранием и аристократией. Разделение властей и политический плюрализм подразумевают, что ни один участник политического процесса не обладает полнотой истины, что конкурируют лишь различные точки зрения, обусловленные склонностями, воспитанием, происхождением и предпочтениями; правительство принимает решения в процессе диспута, путем голосования, то есть политический плюрализм предполагает, что носителей объективной истины не существует. *Если бы правильные действия рассчитывало с помощью формул сообщество специалистов, а потом предъявляло бы результаты в качестве безоговорочных решений, то подобную политическую систему справедливо было бы называть диктатурой, к демократии она не имела бы никакого отношения. Следовательно, безоговорочная власть науки плохо соответствует просвещению и справедливости.*

Правовое общество невозможно помыслить без свободы совести и предпочтений — никакое мировоззрение здесь не может считаться ущербным (если речь идет не о мировоззрении, которое стремится исключить все другие позиции), никакое не может считаться привилегированным: религиозные люди и даже астрологи наделены той же полнотой юридических возможностей и политических прав, что и сциентисты, адепты естественнонаучной идеологии. *Ergo: современная демократия вакцинирована агностицизмом и скептицизмом, ее корни следует искать в философии Канта и Юма, а не только в философии Локка и Бэкона. Герой свободного общества — многоглазый Аргус, а не Прометей.*

Истоки современного политического агностицизма мы находим в Национальной конституционной ассамблее (Учредительное собрание 1789 года) — именно тогда возникло традиционное деление на правых, левых и центристов. С тех пор только полноценное участие трех политических сил обеспечивает свободу. Радикальный перевес одной из трех позиций ущемляет представителей других позиций — при таком перевесе всегда возникает опасность диктатуры. Само существование правового общества и демократии зиждется на реальном присутствии в высших совещательных учреждениях трех политических сил: консерваторов, центристов и левых. В своих основах политический плюрализм содержит гносеологический скепсис, который сущностно противоречит прометеанству, то есть господству самоуверенного разума, претендующего на Истину. Каждый из членов Парламента считает свое мировоззрение лучшим, но сам Парламент зиждется на отрицании абсолютной правоты. Как говорил Эдуард Бернштейн, демократия есть высшая школа компромисса.

2. Циклическая революционность

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка.

Иммануил Кант

Только метаполитика, стоящая над всеми конкурирующими силами, может обеспечить возможность реального политического плюрализма. Здесь мы возвращаем-

ся к исконному смыслу слова *революция*, тому смыслу, который в него вкладывал Понтий: изначально слово «революция» было связано с циклическим вращением небесных тел. Но этот смысл имел место и в революционном Учредительном собрании, ведь и здесь речь шла о циклическом вращении политических теорий. Потому как сам принцип совещательности управляющего аппарата подразумевает периодическую доминацию той или иной силы — с обязательной последующей переменой. Такое понимание «революции» помогает избежать порочной линейности исторического сознания, вернуться к цикличности космоса, применив эту цикличность в политике. И только такая циклическая революционность способна предотвратить диктатуру. Кроме того, присутствие реальных идеологических конкурентов заставляет противников совершенствовать свои программы, предотвращает стагнацию. *Речь идет о действительном плюрализме, а не о многопартийной ширме, прикрывающей диктатуру и единовластие.* В центре такой революционной конкурентности сегодня стоят политики природы. Чей экологический проект более успешен — консерваторов, этих любителей родной природы; левых, считающих, что экологию нельзя улучшить, не создав предварительно справедливые экономические отношения; или центристов, которые опираются на прогресс, равенство и свободу отдельной личности? Каждый участник имеет свои достоинства, эффективность которых и демонстрирует, находясь временно у власти, чтобы затем передать власть и ответить за все свои достижения и провалы.